

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 314.93

А.А. Вартумян

**К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ДЕФИНИЦИЙ ГУМАНИТАРНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ПОИСКИ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ОБОСНОВАНИЙ**

На протяжении всей истории человечества гуманитарная интеллигенция как носитель культуры обеспечивала ее преемственность в поколениях. В российской ментальности истинная миссия интеллигенции – служение народу, а истинный интеллигент «слушает свою совесть». И в ходе модернизации российского социума, его структуризации на новых основаниях интеллигенция призвана наиболее профессионально выполнять свое предназначение.

Ключевые слова: гуманитарная интеллигенция, технотронное общество, социальной структуры, социетальная система, контрбюрократия.

А.А. Вартумян

Доктор политических наук, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск.
E-mail: pragpu@mail.ru.

© Вартумян А.А., 2012

A.A. Vartumyan

**ABOUT DEFINITIONS
OF THE HUMANITARIAN
INTELLECTUALS: SEARCHES
OF THEORETICAL
JUSTIFICATIONS**

Throughout all history of mankind the humanitarian intellectuals as the carrier of culture provided its continuity in generations. In the Russian mentality true mission of the intellectuals - service to the people and the true intellectual "listens to the conscience". And during modernization of the Russian society, its structuration on the new bases the intellectuals are urged to carry out the mission most professionally.

Key words: humanitarian intellectuals, technotronic society, social structure, sotsiyetalny system, counterbureaucracy.

A.A. Vartumyan

The Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Conflictology, PR and Journalism of Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk.
E-mail: pragpu@mail.ru.

© Vartumyan A.A., 2012

Гуманитарная интеллигенция – составная часть интеллигенции, и любая дефиниция этого термина связана с пониманием сущности последней.

Одним из самых актуальных вопросов является проблема определения интеллигенции. Вопрос о сущности интеллигенции – один из самых сложных в общественных науках. Он дискутируется на протяжении 140 лет.

Понятия «интеллектуал» и «профессионал» появляются в разговорном языке и словарях примерно в одно и то же время – в последней трети XIX в., как установила Л.А. Фадеева. Данные понятия отразили формирование относительно массовой категории лиц, которые профессионально занимались умственным трудом. Они, как правило, были людьми «свободных профессий», не работая по найму. По образу жизни и системе ценностей они отличались как от высших, так и от низших классов. Особенности ценностных ориентаций связаны с типом профессиональной деятельности, определением своей роли в обществе, автономными позициями в отношении государственных институтов. По всей Европе XIX в. (включая Россию) количественный рост данной группы сопровождался становлением регулярной периодической печати, образованием профессиональных ассоциаций, выработкой профессиональной этики.

Интеллигенция сопоставима с «образованным классом» стран Европы. Она создает систему нормативных ценностей и стремится распространить их на всё общество. Причём такую роль играет именно группа, а не отдельные индивиды.

Исторически интеллигенция возникла как небольшое сообщество лиц, имевших монополию на умственный труд, благодаря своему уровню жизни и наличию свободного времени. Она была «исключением» из правил общества сословной регламентации. Это и способствовало выработке в идентичности группы черт гиперпозитивности.

Специфика российской интеллигенции отчасти объясняется социальной системой страны. На Западе власть и собственность институционально разделены, а в России – сосредоточены в руках государства. Лояльность государственной власти и уже правящей элиты давала санкцию на интеллектуальный успех. И, напротив, свобода творчества и созидания политических идей в России обычно связана с радикальной оппозицией.

Термин «интеллигенция» в России XIX в. сначала обозначал черты выдающихся личностей, а затем – социальной группы с гуманитарным образованием и литературными занятиями. Как политическое сообщество, противостоящее самодержавию и бюрократии, интеллигенция стала пониматься позже, с распространением социалистических идей в 1860–1880-х гг. Разрозненные маргинальные группы разночинцев стали претендовать на власть, т.е. смену элиты. С.Б. Орлов называет такие группы контрбюрократией [1].

При анализе политологических работ об интеллигенции целесообразно отметить два качества публикаций: автобиографичность и манифестацию.

Первое качество состоит в том, что исследователь одновременно отражает в своих оценках интеллигенции личный опыт и применяет методы теоретического анализа. С.А. Ушакин резонно полагает, что политология интеллигенции как научное направление – это «профессиональная попытка самой интеллигенции при помощи доступных ей академических средств создать коллективную автобиографию» [2].

Второе качество отражено в том, что ученые склонны превращать профессиональный анализ темы в манифестацию, т.е. слабо аргументированное провозглашение своих идеалов и взглядов на пути реформирования общества. Тем самым интеллигенция определяет свои диспозиции в реальном и символическом пространстве.

Проблема интеллигенции исторически впервые поставлена в России, что общепризнанно в мировой науке.

Этимология слова «интеллигенция» обычно даётся по латинским корням: *intelligens* («понимающий, знающий, умный») либо *intellectus* («понимание, знание, рассудок»). Теоретическую основу возникновения термина в российской политической мысли дала немецкая классическая философия XIX в. Умственные способности неразрывно связывались с внутренней свободой личности, постижением истины и практическими действиями ради справедливости.

Рассмотрим основные трактовки термина «интеллигенция» в политическом аспекте.

«Интеллигенция» – одно из центральных понятий философии В. Шеллинга, связывающее познавательную способность человека с самосознанием высшего разума. В многозначности термина «интеллигенция» содержатся политические функции. Неопределенность понятия служит средством символической консолидации группы, усиления ее сплоченности.

Марксисты полагали, что интеллигенция не образует отдельную социальную группу. Её представители относятся к различным классам. В каждом из них интеллигенты составляют наиболее умственно развитые и высококвалифицированные «верхи» классов, их ведущую силу [3]. Разновидность данного подхода – считать интеллигенцию «пролетариями умственного труда».

В советский период интеллигенция оценивалась с позиций классового подхода и экономического детерминизма. По этой схеме интеллигенция формируется на стадии промышленного переворота и перехода от словной к классовой структуре общества (вторая половина XIX в.). Причём интеллигенция, не имеющая собственности на средства производства,

обречена дифференцироваться между антагонистическими классами, быть социально и политически расколотовой.

Обрисованный подход телеологичен. Он не оставлял места для альтернативных оценок, вынуждал исследователей игнорировать либо искажать «неудобные» факты. Характерна категоричная оценка В.И. Ленина: «Интеллигенция, не примыкающая к классу, есть ноль» [4].

Марксистская модель интеллигенции предполагает, что данный слой – промежуточный, неустойчивый, зависимый. Создаваемые ею блага уникальны по содержанию, но имеют смысл только как потребляемые публично; они не поддаются монополизации.

Европейские марксисты 1920–1930-х гг. предлагали качественно иную, недогматическую трактовку интеллигенции. А. Грамши отмечал, что всякая социальная группа создаёт слои интеллигенции, «которые придают этой группе однородность и сознание её собственной специфической роли» и в экономике, и в социальной структуре, и в политике. Без захвата культурной гегемонии группа (либо класс) не может осознать самого себя в качестве субъекта политики (т.е. обрести идентичность), убедить общество в серьёзности своих требований [5].

К. Манхейм писал: «Маленькие кружки интеллигенции... являются, благодаря своей позиции аутсайдера в обществе, основным источником вдохновения и динамичного воображения» [6]. Манхейм использовал эпитет, предложенный А. Вебером, – «свободно парящая в обществе интеллигенция». Э. Шилз также использовал термин «интеллигенция», определяя его как однородный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и социальной власти [7].

В другой работе – «Человек и общество в век преобразования» – Манхейм относит интеллектуалов к отраслевой элите. Основными типами элиты он считает в области политики и организации, а также знания, искусства и религии. Между двумя типами элит нужен оптимальный баланс.

Наиболее детально аргументы К. Манхейма приведены в его труде «Эссе о социологии культуры». Он уточняет, что интеллигенция свободна от классовых связей и интересов только относительно. Это – промежуточная страта. Особая диспозиция (между группами) и высокий уровень образования позволяют интеллигенции понимать проблемы всего общества. Но в силу внутренней неоднородности интеллигенция не может создать свою партию, неспособна к согласованным действиям. Она разрабатывает идеологии для других (более сплоченных) групп, но не может выразить собственную солидарную идею. Мотивации политического поведения интеллигентов своеобразны. Они менее меркантильны и рациональны, чем другие группы. Манхейм ввел понятие «интеллектуальная мотивация».

Таким образом, смысл интеллигенции, по мнению К. Манхейма, – сложнейшая научная проблема.

Британский исследователь Р.Я. Брим отмечает, что многие отождествляют интеллектуалов с критическими и прогрессивными мыслителями [8]. Действительно, при отсутствии других прогрессивных элит интеллектуалы становятся ответственными за революции и модернизацию общества в целом.

С другой стороны, многих исследователей не устраивает термин «интеллигенция» применительно к западным обществам. Н. Аннан ввел категорию «интеллектуальная аристократия». Среди её черт – ориентация на стабильность общества и реформизм, обособленность от аристократии и буржуазии, убеждение в необходимости моральных методов в политике. Она видит своё предназначение в том, чтобы действовать в существующих институтах общества, улучшать их для социальных интересов [9]. На наш взгляд, описание такой реформистской и конформной группы учитывает в основном британский опыт.

В постиндустриальном обществе знания и информация превращаются в важнейший ресурс. Основой отнесения людей к господствующему классу становится контроль над знаниями, возможность распоряжаться им. В западных политических исследованиях такой класс получил название *knowledge-class*. В.Л. Иноземцев предложил русский эквивалент – класс интеллектуалов [10].

Первым на рост влияния интеллектуалов обратил внимание Р. Дарендорф [11]. Его подход развит З. Бжезинским в теории технотронного общества, которым должна управлять новая компетентная элита.

Подобно тому как в российской научной традиции различаются ценностно-моралистичная и стратификационная трактовки интеллигенции, в западных науках проводится разграничение смыслов термина. М. Фуко противопоставляет интеллектуала-специалиста и интеллектуала универсального, который был «по преимуществу писателем: всеобщей совестью, свободным субъектом...» [12]. Вместе с тем Фуко признает наличие «многоликого сообщества интеллектуалов» и необходимость их сплочения, единения с массами.

Политический аспект дискуссий об интеллигенции может быть интерпретирован с позиций постструктурализма (П. Бурдьё) как инструмент макросоциального программирования. Социальные группы для властвования должны овладеть символическим пространством общества, т.е. навязать другим свой тип мировоззрения. В массовое сознание для этого должны быть внедрены стереотипы базовых категорий, в т.ч. оценки акторов политики. Определить смысл какого-либо научного понятия означает локализовать его в символическом пространстве.

Итак, в итоге исследований интеллигенции в политической мысли сформировались парадигмы научного знания. Парадигма объединяет ряд неоднородных теорий, общих в стремлении объяснить политические явления через свойства субъекта политики.

В 1990-х гг. возросла популярность культурологической парадигмы. В ней личность считается источником и ядром политической сферы; сущность индивида признается постоянной, не зависящей от общества и социальных групп, т.е. за исходную точку анализа принимаются неповторимые психологические качества человека. Сторонники культурологической парадигмы считают интеллигенцию вечным носителем общечеловеческих ценностей и моральных норм. Например, Н.А. Бердяев полагал, что интеллигентность присуща не только лицам умственного труда, но и творчески мыслящим рабочим, крестьянам. Данное понятие выражает синтез высоких социально значимых качеств личности [13].

Более реалистичен функциональный подход к изучению проблемы. Интеллигенция выполняет широкий круг функций. Она обеспечивает интеграцию общественной системы, социализирует индивидов, структурирует групповое и общественное сознание, разрабатывает идеологические системы. По определению отечественного философа М.К. Мамардашвили, интеллигенция – это группа людей, которая внутри социальных групп специально занята созданием идеологических связей.

Сравним черты российской интеллигенции советского и современного периодов. Зависимость черт российской интеллигенции от историко-культурных особенностей общества, от российской ментальности устойчива. По мнению Л.Г. Судас, российские ученые всегда ставили перед собой цели просветительские, познавательные, морально-мировоззренческие, а не коммерческие. Западный индивидуализм, мотивы личного успеха в традиционной этике российской интеллигенции не преобладали. Характерен, напротив, культ коллективного, самоотверженного служения обществу, преданности науке.

Первоначальный импульс резкому росту интереса к интеллигенции в общественных науках дали идеологемы периода перестройки – «гласность» и «общечеловеческие ценности». Социальную базу реформ 1985 – 1991 гг. во многом составляла именно интеллигенция.

Позже, по мере поляризации социальной структуры, распадаются традиционные социокультурные отношения. Исчезает монополия интеллигенции на выработку знаний, на моральную гегемонию в обществе. Интеллигенты реагируют на новое состояние системы, критикуя её.

Функционалисты (Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шилз) видели роль интеллектуалов в ретрансляции ценностей и их творческом обновлении. К. Манхейм также указывал на относительную независимость интеллектуалов, их критическое отношение к господствующему мировоззрению. Они вырабатывают новые «смыслы», ценностные системы. Напротив, ряд исследователей отрицают наличие интеллигенции в современной России. Чаще всего, такая позиция аргументируется тем, что в условиях рыночной экономики интеллигенция распадается на «подлинных профессионалов –

ядро среднего класса, и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть» [14]. Причём восходящая мобильность жёстко увязывается с усвоением западных ценностей.

Ценностный подход к определению интеллигенции обычно акцентирует ее моральные и культурные традиции.

Моралистичное определение интеллигенции давал академик Д.С. Лихачев. Он полагал, что «интеллигент – это... человек, обладающий умственной порядочностью..., к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обстоятельствам» [15].

В российской научной традиции термин «интеллигенция» обозначал чаще всего не узкий слой профессионалов-интеллектуалов, а эталонную группу, для которой свойственно сочетание профессионализма и высоких нравственных качеств, типов мышления и поведения ради бескорыстного «служения народу».

Перейдем к определениям современной группы. Неправомерно под теоретическое понятие интеллигенции подводить социальные слои совершенно разных эпох. Так, интеллигенцию постсоветской России можно определить только контекстуально, исходя из политических, социальных и культурных реалий общества 1990–2000-х гг.

М.Н. Руткевич определяет интеллигенцию как социальную группу работников, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации. В постсоветском обществе она сохраняется, но изменяется её социальная сущность. Из совладельцев общественной собственности она превращается в наемных работников, поляризуется по доходам, существенно сокращается по численности.

В.Х. Беленький и В.В. Лунев считают, что интеллигенция в традиционном смысле постепенно размывается. Из неё выделяется новый класс – главный субъект интеллектуальной собственности, а также «значительная периферия» основных социальных групп.

Точку зрения об исчезновении интеллигенции в современной России поддерживают также В.М. Межуев, Д.С. Попов. В обществе «массовой культуры» и инструментальных ценностей интеллигенты становятся технологами, менеджерами власти, переставая быть «властителями дум».

С точки зрения стратификационного подхода, социологи относят интеллигенцию к среднему классу, но считают её особой социально-профессиональной группой. Интеллигенцию внутри среднего класса отличает особая система ценностных ориентаций. В ней значительную роль играют ценности образования, личной профессиональной квалификации, уважения.

Систематизация многочисленных мнений об интеллигенции выделяет в качестве ее общих устойчивых признаков образование, интеллект и профессиональные занятия умственным трудом. То есть интеллигенция – это образованная часть российского общества [16]. Данный подход акцентирует наличие высшего образования, что позволяет ввести некоторую количественную меру и тем самым получить представление о численности социальной группы «носителей национального интеллекта». Попытки использования таких присущих интеллигенции понятий, как духовность и/или нравственность, к сожалению, совершенно не операциональны.

В широком смысле в России интеллигенция – это особый социальный слой людей интеллектуального труда, характеризующийся не столько единым образом жизни (сегодня социальная дифференциация в этом слое велика), сколько определенным уровнем и характером убеждений, связанных с представлением о своей миссии в обществе.

По нашему мнению, к гуманитарной следует отнести ту часть интеллигенции, которая на профессиональном уровне создает духовные ценности, хранит и распространяет (транслирует) духовную культуру, занята в учреждениях, образующих ее инфраструктуру. Интеллигенция, прежде всего гуманитарная, – созидатель и хранитель высших духовных ценностей общества. Внутри всей интеллигенции существует большая дифференциация по роду, характеру деятельности и пр. А если изучать такую ее часть, как гуманитарная, то дифференциация будет еще более основательной. По характеру труда, по политической роли и отношениям с непосредственным окружением учитель и научный работник, журналист и писатель, актер и деятель массовой культуры различаются гораздо больше, чем разные представители инженерно-технической интеллигенции. И эти различия сильнее отражаются в их сознании, чем принадлежность к многочисленному слою людей сложного умственного труда.

Именно к гуманитарной интеллигенции принадлежат те, кого называют «властителями дум» – известные журналисты, актеры, режиссеры, писатели, ученые. Многие из них относятся к так называемому политическому классу. Признано, что на интеллигенцию (а особенно на ее гуманитарную часть) больше, чем на какую-либо другую социальную группу, класс, влияют события и явления политического процесса, а еще более идеи, концепции, программы, т. е. разного рода идеологическая продукция. Выработкой ее занимается ограниченный круг лиц. Но интеллигенция массы, в отличие от других слоев и классов, наиболее открыта для восприятия новых идей и ценностей. Именно поэтому внутри интеллигенции, прежде всего гуманитарной, обостряется противостояние приверженцев разных позиций: за этим резким противостоянием – борьба идей.

Так как гуманитарная интеллигенция – носитель культуры, знаний, политических идей и ценностей, то велико ее влияние не только на ос-

тальную интеллигенцию, но и на все общество. Оно многократно усиливается средствами массовой информации.

Гуманитарная интеллигенция в качестве актора политического процесса трактуется как обладающее качествами интеллигентности ядро слоя интеллигенции, осуществляющее особую консолидирующую, политико-строительную роль в обществе, функцию артикуляции, агрегирования и репрезентации интересов иных субъектов политики (как и своих собственных), функцию индоктринации сознания этих политических субъектов, активистскую роль лидера – паттерна и катализатора кристаллизации политической инфраструктуры [17].

Примечания

1. Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен: Историко-социологический анализ // Социс. 2001. № 11. С. 53.
2. Ушакин С.А. Функциональная интеллигенция // Полис. 1998. № 1. С. 8.
3. Каутский К. Интеллигенция и пролетариат. Одесса, 1905; Лафарг П. Социализм и интеллигенция. Одесса, 1906; Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 30–31.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 209.
5. Грамиш А.О. О литературе и искусстве. М., 1957. С. 25.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 450–451.
7. Shils E. The Intellectuals and the Powers, and Other Essays. Chicago, 1972.
8. Врум R.Y. Intellectuals and Politics. L., 1980. P. 12.
9. Annan N. The Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / ed. by J.H. Plumb. L.; N.Y., 1955.
10. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социс. 2000. № 6. С. 67–77.
11. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 301.
12. Фуко М. Интеллектуал в законе // Независимая газета. 2002. 3 окт.
13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. изд. М., 1990. С. 17.
14. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995. С. 311–312.
15. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции: Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3.
16. Магарил С.А. Интеллигенция и модернизация // Гражданин. 2003. № 5, 6.
17. Беляев В.А. Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики. Казань, 2006.